

2008 г. Е.Я. Режабек

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В НАУКЕ О КУЛЬТУРЕ

Рассмотрена история когнитивного подхода к культуре, прослежен вклад в когнитивизм зарубежных и отечественных исследователей. Специально анализируются дорефлективные и рефлективные когнитивные формы культуры.

В компьютерную эру технические нужды и технические потребности по созданию «искусственного интеллекта» пробудили к жизни новую науку – когитологию (от лат. *Cogitare* – «мыслить»), представляющую собой междисциплинарную область исследований. «Объектом когитологии являются знания, их формирование, организация и оперирование ими» [1, с. 126]. Ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, в котором познавательная способность человека рассматривается как процесс приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации.

Разработка проблем искусственного интеллекта привела к возникновению компьютерной метафоры, которая описывает функционирование человеческого интеллекта аналогично компьютеру. Увлечение компьютерными моделями привело к пониманию когнитивных механизмов как устроенных аналогично компьютеру: устройства ввода и вывода, память, процессор как независимые друг от друга устройства, сочлененные в едином «мозге».

Структурный подход дополнялся функциональным подходом, в рамках которого функционирование человеческого мозга уподобляется компьютерному программному обеспечению. Современная когитология давно отошла от жесткого варианта компьютерной метафоры. Другой версией формирования науки стала ее разработка на базе когнитивной психологии. Еще в 1960 г. в Гарвардском университете психологом Дж. Миллером организуется первый Центр когнитивных исследований. В 1967 г. У. Найссер публикует книгу, давшую название всему психологическому направлению [2]. В 1975 г. фонд А.П. Слоана (США) открыл финансирование междисциплинарной программы по когнитивным исследованиям. С 1977 г. выходит журнал «Cognitive Science» с ежегодными и ежеквартальными выпусками; затем стал выходить журнал «Evolution and Cognition».

Еще одной версией когнитивной науки стала когнитивная лингвистика. У истоков создания когнитивной лингвистики стоял Дж. Лакофф. В 1975 г. совместно с Г. Томпсоном им была опубликована статья «Представляем когнитивную грамматику». В статье от 1981 г. Дж. Лакофф подчеркивал, что только общими усилиями психологии, лингвистики, антропологии, философии, компьютерологии можно ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем [3]. В афористической форме соответствующая идея была выражена К. Стеннингом: «Сложите вместе логику, лингвистику, психологию и компьютерную науку и вы получите когнитивную науку».

Когнитивные психологи поддержали эту программу. По представлениям Т. Бивер, Дж. Кэрролл, Л.А. Миллер, язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает исследовательский ключ к человеческому поведению [4]. По Лакоффу, язык – это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов. По современным представлениям «понимание и изучение языка как средства фор-

мирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями лежит в основе когнитивного подхода к языку» [5].

Когнитивная лингвистика использует логический подход (Н. Хомский), экспериментальный подход (Дж. Лакофф), когнитивно-дискурсивный подход (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова). В соответствии с выводами лингвокультурологии носители культуры используют язык по-разному в различные эпохи, что сказывается на всей системе языка, на сферах его функционирования, на функциональном потенциале языковых средств, имеющих различную системно-структурную характеристику. В силу указанных обстоятельств язык выступает как один из маркеров культурной идентичности субъекта.

Когнитивный подход к культуре сформировался в рамках когнитивной антропологии. В 1957 г. Уард Гуднаф опубликовал статью, оказавшую большое влияние на определение культуры как системы знания. В этой статье говорилось, что культура общества состоит из всего того, что должно знать и во что должно верить для того, чтобы поступать приемлемым для ее членов образом [6]. В таком понимании культура – это набор образцов, на которые ориентируются сами члены общества, когда планируют свои действия. С этой точки зрения, чтобы ответить на вопрос, что представляет собой культура данного общества, надо перечислить все, что необходимо знать, чтобы существовать в нем.

В своем антропологическом освещении цивилизации Роберт Редфильд истолковывает культуру как продукт коммуникации. Для него культура состоит из тех «обыденных пониманий, проявляющихся в актах и артефактах, которые характеризуют общества» [7]. По мнению Редфильда, не вставая на точку зрения носителя культуры, мы ошибаемся как в трактовке элементов культуры, так и культурной системы как целого [8].

Итак, в середине 50-х гг. прошлого века в США возникает направление когнитивной антропологии, главными представителями которого были: У. Гуднаф, М. Спиро, Р. Редфильд и Р. Д'Андрада.

Наиболее авторитетными в когнитивной антропологии считаются работы Роя Д'Андрада. Он работал на стыке психологической и когнитивной антропологии. В этой концепции «культура – это ментальная экипировка», которую члены общества используют для ориентации, взаимодействия, обсуждения, определения, категоризации и интерпретации текущего социального поведения в своем обществе.

Термин «культура», по Д'Андраду, «имеет два смысла и понимается, то как процесс (то, что передается, чтобы быть выученным последующими поколениями), то как особый класс явлений (то-есть организованное познание). В принципе эти два аспекта термина могут сосуществовать. В таком случае культурой будет все, что передается последующим поколениям через научение» [9]. Таким образом, Р. Д'Андрада подчеркивает не коммуникативную, а трансляционную функцию культуры, обеспечивающую преемственность поколений.

Что представляет собой культура, Д'Андрада разбирает на примере свадебного ритуала как части американской культуры. Элементы свадебного обряда приобретают символическое значение. Восприятие символов означает следование конституированному правилу и участие в приложении этого правила к единичному случаю (выполнение в процессе свадебного ритуала определенных ролей и ритуализированных действий). По Д'Андраду, любая культурная категория создает целостность, которая подразумевает как понимание символических значений, так и следование конвенциональным правилам.

Итак, культура имеет знаковую сторону, несущую некий культурный смысл. Человеческие символы служат воплощением культурной значимости. Современные работы в области когнитивной психологии трактуют значение не как представление о внешней форме (по схеме «стимул -реакция»), а как отдельную целостность, имеющую сложные принципы организации. «Внутренние формы, – указывает Д'Андрада, – обычно называют «схемами» и рассматривают как составленную из абстрактных, подобных предложениям, сетей. В этом вопросе, нам кажется, лучше было бы использовать различные термины для

внутренних значений и внешних знаков. Термин «значимая система» скорее подходит для ментальных структур и процессов, а термин «символ» для внешних знаков» [9, 104].

Д'Андрад разрабатывает широкую систему, в которой показывает связь значимых систем с культурой как системой, личностью как системой, социальной системой и «поток-материалом», который уже включен в культурные значимые системы. Он рассматривает культуру как динамическую структуру, связанную с человеческим опытом и меняющуюся вместе с изменениями этого опыта, параллельно тому, как одни значимые системы теряют свою актуальность, переставая быть предметом межличностной коммуникации, а другие значимые системы возникают и занимают место отмирающих.

«Аналитически культурная значимая система может быть истолкована как очень широкий дифференцированный резервуар познания или частично разделяемая система норм, или как внутриличностная символическая «сконструированная» реальность. На индивидуальном уровне актуальные значения и сообщения формируют многофункциональные комплексы конструкторов, организованных во взаимосвязанные иерархические структуры, которые одновременно являются конструктивными, репрезентативными, провоцирующими (эвокативными) и директивными» [10].

Итак, система значений руководит поведением и реакциями индивида. В свою очередь взаимодействие между индивидами строится на конститутивных правилах, выучиваемых и передаваемых от поколения к поколению. В этом смысле социальная структура является одним из аспектов организации культуры, социальная структура представляет «достижение систематической упорядоченности индивидов посредством принимаемых обществом значений» [10].

В культурологию концепцию «картины мира» ввел Редфидьд. Согласно его определению, «картина мира» – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. В соответствии с такими взглядами на разных ступенях исторического развития у каждого народа своя система восприятия, мышления, поведения, эмоций. Аналогичное понимание мы находим у Клиффорда Гиртца: «картина мира» представляет собой присутствующую носителю данной культуры картину того, как существуют вещи...его концепцию природы, себя и общества» [11, с. 325].

Когнитивному исследованию культуры подводит своеобразный итог Теодор Шварц. По взглядам Т. Шварца, культура определяет особый строй интеллекта человека, как бы оформляет его психологию, имеющую и сознательные, и бессознательные элементы. Под влиянием культуры складываются ее аффективно-когнитивные элементы, ее способность к дифференциации и различению человеческого опыта, характерные способы приобретения опыта. По Шварцу, культура – это процесс, в ходе которого индивид взаимодействует с внешним миром, со своим природным или социальным окружением. При этом он, с одной стороны, впитывает культурный опыт, опосредованный другими индивидами, а с другой, вырабатывает новые элементы опыта, то есть «производит» культуру» [12].

Свой вклад в когнитивизм внесла отечественная культурология прежде всего в рамках семиотических исследований различных областей культуры. С начала 60-х гг. XX в. Юрий Михайлович Лотман стал проводить «летние школы», конференции, семинары по семантике знаковых структур. В духе когнитивизма Ю.М. Лотман истолковал культуру как коллективную память, особое внимание уделяя изучению знаковой плоскости культуры. По характеристике Ю.М. Лотмана, культура – это механизм «по организации и хранению информации в сознании коллектива» [13, с. 329]. Культура идентифицирует себя с константными нормами своей памяти. «Мы понимаем культуру как не наследованную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [13, с. 328-329].

По Ю.М. Лотману, культура как организующее начало отличается способностью формировать ментальное содержание сознания, оказывая на него влияние [14]. Особое

внимание Ю.М. Лотман уделял такому когнитивному образованию как текст, существующий в культуре. По Лотману, текст представляет собой «сложное устройство, хранящее многообразные коды (культурные и лингвистические – Е.Р.), способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [15].

В настоящее время рождается гибрид «семиотической культурологии», объединяющей лингвистику с философией, биологией, социологией, элементами математики, теорией и историей культуры [16].

В 2003 г. издаются монографии Л.В. Максимова и Е.Я. Режабека. По такому направлению когнитивизма как когнитивная лингвистика, в 2003 г. была создана Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов – когнитологов», институциональным центром которой является Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. РАЛК имеет Отделения во многих областных центрах.

В 2006 г. на страницах ежеквартального журнала «Эпистемология и философия науки» разворачивается дискуссия, стремящаяся показать «блеск и нищету когнитивизма» (С.Э. Давтян). Дискуссия открывается статьей О.Е. Баксанского и Е.Н. Кучера «Познание познания: когнитивные науки» [17]. В следующем выпуске главный редактор журнала И.Т. Касавин публикует статью «Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой» [18]. В третьем выпуске дискуссию продолжили: Ю.М. Шилков, В.М. Алахвердов, Т.В. Черниговская, С.Э. Давтян [19].

Еще в 1996 г. отечественный логик В.В. Петров так охарактеризовал фундаментальную идею когнитивной науки: «Мышление представляет собой манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями типа фреймов, планов, сценариев, моделей, других структур знания [20, с. 5].

Важно подчеркнуть, что в рамках когнитивной науки понятие «отражение» становится избыточным. Деятельность интеллекта представляет собой приобретение и фиксирование информации о внешнем мире. Сам термин «приобретение» говорит о том, что та же самая информация, которая продуцируется, извлекается из внешнего мира, «работает» в сознании человека. После того как информация зафиксирована сознанием, она подвергается переработке в интересах жизнеобеспечения, как индивида, так и общества. По той же причине культура имеет когнитивную природу. Когнитивизм выявил наличие когнитивного строя любой культуры.

Когнитивный строй культуры охватывает либо дорефлексивные, либо рефлексивные структуры сознания. Дорефлексивный строй культуры включает в себя схемы, модели поведения, архетипы культуры. Схемы представляют собой узуальные установки поведения, вырабатываемые на уровне телесных реакций.

В когнитивизме стало общим местом утверждение, что нельзя понять работу человеческого ума, когнитивные функции человеческого интеллекта, если ум абстрагирован от организма, его телесности, эволюционно обусловленных способностей восприятия посредством органов чувств (глаз, уха, носа, языка, рук), от организма, включенного в особую ситуацию, экологическое окружение. Как утверждают Е. Князева и А. Турбов, то что познается и как познается, «зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве. Устроено по-разному - познается по-разному» [21, с. 137].

Уже Кант ввел в эпистемологию понятие «схемы». «Представление об общем способе, каким воображение доставляет понятию образ, я называю схемой этого понятия...» [22, с. 223]. И добавляет: схема, начертанная эмпирически, «дает техническое единство» [22, с. 680]. Кантову идею эмпирической схемы или «апперцепции» восприятия (от лат. Apparatus – приготовленный) подхватил Г. Гегель, который назначение «схемы» видел в «слепливании» восприятия из разрозненных и не связанных между собой чувственных данных.

«Схему» как узуальную матрицу, как восприятия, так и любого психического акта, специально исследовали отечественные физиологи. В их трактовке «схема» получила наименование «установки». Под установкой стала пониматься готовность к осуществлению определенного способа действия, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных, сходнотожественных ситуациях. Так, при узуальном сравнении двух шаров большего и меньшего объема мы до всякого опыта ожидаем, что у шара большего по объему будет больший вес. Соответственно мышечная ткань одной руки будет находиться в большем напряжении, чем у другой руки. Иначе говоря, апперцепция восприятия избавляет нас от необходимости всякий раз заново решать, как надлежит действовать в той или иной встречающейся ситуации. Как писал Д.Н. Узнадзе, «сами условия ситуации диктуют нам, что надо делать» [23, с. 373].

До Узнадзе аналогичную идею отстаивал Г. Олпорт, который подчеркивал, что «без направляющего действия установок индивид был бы растерян и сбит с толку» [24]. По Г. Олпорту, установка – это физиологическая структура, которая представляет собой зарождающуюся стадию любого поведенческого акта. Эта идея во многом схожа с представлениями П.К. Анохина, о «заготовленном комплексе возбуждений».

Проявления моторных и сенсорных установок были обнаружены уже в лабораторных исследованиях Н.Н. Ланге и Л. Ланге (Лейпциг) [25]. Так что не лишено основания «эксперименталистское» заявление Дж. Лакоффа: «Именно образно-схематическая структура дает возможность категоризовать то, что мы воспринимаем» [26]. Выполняя направляющую функцию, схема становится культурной, охватывающей любые виды и телесного, и ментального опыта. Вместе с тем то, что выделено индивидом, еще должно быть принято обществом, чтобы стать достоянием культуры. Нетранслируемые в человеческой группе достижения не входят в состав культуры. Только став эталонами для подражания, культурные схемы становятся устойчивыми опорами опыта.

Следующий ярус ментальности образуют архетипы культуры. Такие архетипы возникают из мифологических представлений и соответствующих им верований, которые имеют не операциональное, а «знаниевое» содержание. Ментальное содержание, погружаясь в «подвалы предсознания», становится архетипом, нерелефлируемым руководством к действию. Таков обычай поминовения умерших, вера в очищающую силу огня, воды, инстинктивная тяга к общению с деревьями, кустами, молодью животных, и другие «эпистемические» установки [27].

Рефлексивный строй культуры состоит из иерархически надстраивающихся ярусов, к которым относятся когниции, концепты и мировоззренческие категории.

В понятии когниции мы разделяем позицию В.В. Лазарева, для которого когниция относится к процессам обыденного сознания и формируется в актах непосредственного восприятия мира. Знаниевое содержание когниции возникает в первую очередь в результате обработки телесного, сенсомоторного опыта, когниция неотделима от языковой формы выражения. В элементарном случае когниция является значением слова обыденного языка. Когниция осуществляет первичную категоризацию мира, т.е. отнесение предмета мысли к какому-либо классу. Таковы когниции: «береза», «собака», «майский жук».

На уровне обыденного сознания, отмечал В.В. Лазарев, человек видит мир иначе по сравнению с тем, как его видит наука, и добавлял: «очевидно, что обыденные формы освоения действительности имеют корни и основания, разительно отличные от оснований научного познания. В структуре мышления научное познание является лишь надстройкой над обыденным сознанием, которое столь же древнее, как сам человек» [28, с. 19].

На более высоком уровне рефлексивного сознания (сознания, отдающего отчет в своем знаниевом составе) возникают концепты. Концепты – это формообразования зарождающегося теоретического знания, как философского, так и естественно-научного. Это формы, в которых теоретические знания только начинают складываться. Развитые формы теории с ее логическими характеристиками зарождаются на почве концептов, возникают из концептов.

По Ю.С. Степанову, концепты являются носителями и основной ячейкой определенной культуры, ее менталитета, представленными в ментальном мире человека [29]. В 1993 г. Д.С. Лихачев вводит в научный оборот понятие «концептосфера русского языка» [30]. По представлениям Н.Н. Болдырева, концепты возникают на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности, мыслительной, экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной (научной) деятельности, на основе вербального и невербального общения [31, с. 23-29].

По мнению Н.Д. Арутюновой, концепт – это понятие, погруженное в культуру. То, что наиболее ценно в культуре закрепляется в концептах [32]. Культура оказывает решающую роль в возникновении и развитии концептов, характеризующих ее, выделяющих ее индивидуальные особенности. Итак, свое содержание концепт черпает из культуры. С другой стороны, концепты заставляют человека видеть мир под определенным углом зрения, т.е. они детерминируют восприятие мира человеком. В таком плане сама культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними [33].

В структуре концепта выделяют следующие компоненты: смысловое содержание; оценку (отношение человека к тому или иному познаваемому объекту); общечеловеческий или универсальный компонент; национально-культурный компонент, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде; социальный компонент, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою; групповой компонент, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе; индивидуально-личностный компонент, формируемый под влиянием личных особенностей образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей [34].

Высший ярус рефлексивной деятельности сознания образуют мировоззренческие категории. Вот как об этом написал В.С. Степин: «...Есть некоторая система категориальных смыслов, которая создает единую целостную мировоззренческую модель мира. Там обязательно будут сцеплены предметно-вещные смыслы (пространство, время, случайность, необходимость) с экзистенциальными смыслами (я, другие, общество, правда, красота, милосердие, добро, свобода, добродетель и т.д.). Эти смыслы всегда склеены между собой. Я вижу мир сквозь призму представлений о добре, зле, добродетели, правде, истине, человеке. И наоборот, человека я вижу сквозь призму того, что такое природа, пространство, время. Все это скоррелировано» [35, с. 525].

Специфическим предметом когнитивной науки является текст. Авторские тексты Платона, Аристотеля, Гегеля – это и фрагменты концептосферы и смысловые опоры исторически – определенной культуры [36]. Следует согласиться с А.А. Залевской, с полной определенностью написавшей: «Текст создается и воспринимается человеком, без которого существует лишь тело текста» [37].

Категориальный аппарат лингвокультурологии был проблематизирован и расширен в монографии и докторской диссертации Н.И. Басиной «Проблема автора в культуре». На материале философских текстов Н.И. Басина рассматривает проблемы культурной трансляции и трансмутации, место авторского творчества в этих процессах. В работах Н.И. Васиной показана историчность автора как культурного персонажа, который по мысли исследовательницы, появляется в эпоху кризиса традиционного общества, в период перехода к универсально-понятийному способу социального кодирования.

Итак, под когнитивным углом зрения культура предстает как система метарегулятивов, организующих все виды человеческой деятельности. Культура антропоцентрична – она делает центром всех действий самого человека, выступая по отношению к нему единой порождающей программой. Как заметил В.С. Соловьев, только культура «может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли» [38, с. 176].

Если когнитивная наука ставит перед собой задачу выявить когнитивный строй культуры, она не может обойти стороной проблему разных уровней рефлексивности, при-

сущих той или другой исторически определенной культуре. Концептосфера – информационное устройство в виде текстов, на которое мы должны настроиться, чтобы войти в резонанс с ее содержанием, после чего структуры концептосферы начинают работать в нас, в нашем индивидуальном сознании.

Следует отметить замечание Ф. Джонсон-Лэрда, сделанное им в 1983 г.: «Разум чересчур сложен для того, чтобы прямо увидеть его или даже изучить с точки зрения какой-либо одной науки» [39]. Существует настоятельная потребность в системном изучении работы человеческого сознания. К системообразующему формату когнитивной науки относится, как мы уже заметили, когнитивная лингвистика, о чем нужно было бы говорить отдельно [40].

Наша когнитивная способность неразрывно связана с языком, поскольку именно на языке мы передаем накопленный опыт и знания, обмениваемся информацией, можем рассуждать о самих познавательных процессах и их результатах. Один из крупнейших отечественных языковедов В.В. Виноградов в 1963 г. писал: «Словесный образ бывает разного строения. Он может состоять из слова, сочетания слов, из абзаца или целого литературного произведения» [41, с. 119]. Актуальность обращения к роли слова в культуре после 1963 г. отнюдь не была утрачена. В 1991 г. Ноэм Хомский написал: «когнитивная революция проявляет заинтересованность в состояниях разума мозга и в том, как они проявляются в поведении человека, особенно в его когнитивных состояниях: знаниях, пониманиях, интерпретации, веры и т.п.» [42, с. 4].

В крупнейших университетах США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Франции, Израиля и других стран созданы Центры когнитивной науки. Очевидно, наука о культуре не может пройти мимо указанных достижений научного сообщества.

Литература

1. *Сильдмяэ И.Я.* О когитологии // Ученые записки тратусского ун-та: Труды по искусственному интеллекту. 1981. Вып. 594.
2. *Neisser K.* Cognitive psychology. N.Y. 1967.
3. *Lakoff Dj.* Categories: An essay in cognitive linguistics // Linguistics in the morning calm. Selected papers. Seoul, 1982.
4. *Beaver Th. Dj., Carrol J.M., Miller L.A.* Introduction // Talking mind: the study of language in cognitive science. Cambridge, 1984.
5. *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
6. *Yoodenough W.H.* Cultural Anthropology and Linguistics. Washington, 1957.
7. *Redfield R.* The little community. Viewpoints for the study of a human whole. Uppsala and Stockholm, 1955.
8. *Redfield R.* Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilization. Chicago, 1956.
9. *D'Andrade Roy Y.* Cultural Meaning System // Cultural Essays on Mind, Self and Emotion. Cambridge, V. 984.
10. *D'Andrade Roy Y.* Cognitive Anthropology // New Direction in in Psychological Anthropology. Cambridge, 1994.
11. *Geertz Cl.* World-View and the Analysis of Sacred Symbols // Man makes Sense. Boston, 1970.
12. *Schwartz Th.* Where is the Culture? Personality as the distributive Locus of Culture. Berkeley, Los Angeles, London, 1978.
13. *Лотман Ю.М.* О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи в 3-х т. Таллин, 1992.
14. *Лотман Ю.М.* Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.

15. *Лотман Ю.М.* Культура и текст как генераторы смысла // История и типология русской культуры. Спб, 2002.
16. *Степанов Ю.С.* Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004.
17. Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1.
18. Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 2.
19. Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 3.
20. *Петров В.В.* Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов // Язык и интеллект. М., 1996.
21. *Князева Е., Турбов А.* Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // Новый мир. 2002. № 11.
22. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964.
23. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.
24. *Allport Y.W.* Attitudes // Handbook of social psychology. N.Y., 1935.
25. *Ланге Н.Н.* Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса, 1893.
26. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
27. *Крымский С.Б.* Культурные архетипы или знание до познания // Природа. 1991. № 11.
28. *Лазарев В.В.* Когнитивная парадигма: исторические предпосылки и современные реалии // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. Пятигорск, Вып. 2. 2000.
29. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. 1997.
30. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия: литература и язык. 1993. Т. 52. № 1.
31. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.
32. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
33. *Чевлева М.Х.* Базисные концепты ментального мира человека. Уфа, 2002.
34. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
35. Оккультизм и магия в современном мире // Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992.
36. *Бахтин М.М.* Проблема текста // Собрание соч. М., 1996. Т. 5.
37. *Залевская А.А.* Текст и его понимание. Тверь, 2001.
38. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. Спб, 1912. Т. 6.
39. *Johnson-Laird P.N.* Mental models. Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, 1983.
40. Когнитивное моделирование в лингвистике. Сборник докладов Варна-Москва, 1993.
41. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
42. *Chomsky N.* Linguistics and Adjacent Fields: A Personal View // The Chomskyan Turn. Oxford, 1991.